

Концептуализация Не-Бытия. Концепты постмодернизма. Часть V. Неукорененность. Номадология и ризома — 2

Номадологический концепт Делёза и Гваттари уже вовсю воюет с нами в нашей реальности! Разве уже не ясно, к какому именно «сорту» кочевников сдвигают нынешние глобальные и российские тенденции наше народное большинство?

Автор: Юрий Бялый

Жак Аттали

Странник, ненавидящий окружающий его зыбкий мир-ризому, отправляется в путь. Он ищет настоящий смысл и настоящую целостность, на которые можно опереться. Ищет незыбкое, прочное, настоящее.

Все это напрасно, объявили Делёз и Гваттари. Мир-ризома всеобъемлющ, и потому из него никуда не уйти. Ничего незыбкого в нем не бывает. У него нет глубины, в которой ты намеревался искать какие-то там смыслы, целостности и опоры. И все, что ты можешь, — это подчиниться зыбкой текучести ризомы. Признать, что ты и сам ее зыбкая часть.

Ты не странник, не гордый хозяин собственной судьбы. Ты — кочевник. И ты не странствуешь, а движешься по ризоме. Которая, как подчеркивают Делёз и Гваттари, в любой момент «может быть разорвана, изломана в каком-нибудь месте, перестроиться на другую линию...». Над тобой, кочевником, властвует именно такая реальность нового мира-ризомы. Его разрывы, изломы, плато, складки и линии ускользания, которые мгновенны, текучи, случайны и ни в чем не укоренены. Они могут, в лучшем случае, лишь случайно задать — из бесконечного множества возможных — случайное направление твоего движения.

В этом движении по линиям ускользания ты случайно оказываешься в племени кочевников, идущих в том же направлении. И столь же случайно меняем направление на

очередном разрыве или складке ризоморфной реальности, и либо остаешься один, либо присоединяешься к другому кочевническому племени. Ни за что и ни за кого (в том числе, за себя), не отвечая, никому (в том числе, себе) не присягая, ты обречен на это случайное вечное движение.

Таков, заявляют постмодернисты, новый мир номадической реальности. Другой реальности — нет. Но в этом новом мире ты приобрел две новые счастливые возможности: непрерывно ускользать от репрессивного надзора и повеления власти и находить в своем движении неожиданную и непредсказуемую новизну.

Какую новизну? Новизну случайных и изменчивых трансформаций поверхности мир-ризомной виртуальности, исключающую любую смысловую укорененность и глубину. И здесь самое важное, пишут Делёз и Гваттари, «никогда не пускать корней, хоть и трудно избежать такого соблазна...». И еще: «истинное рождение, возникновение подлинно нового случается именно на поверхности».

Целостность, которая зыбкость, а не целостность... Смыслы, которые лишь случайные смыслики без корней и бытия... Цели, которые бессмысленно ставить, потому что их нельзя достичь... Новизна — всего лишь случайных комбинаций стекляшек в калейдоскопе... Опоры, которые исчезают в тот момент, когда ты попытался на них опереться... Зачем тогда странствие? И куда?

А низачем и никуда, — отвечают Делёз и Гваттари. Единственный смысл в том, чтобы просто скользить по поверхности в географическом пространстве, в пространстве мышления, в пространстве образов, в пространстве случайных встреч и случайных кратких отношений. Свободно кочевать, как повелевает новая ризоматическая реальность. И присваивать — а затем тут же отбрасывать — случайно найденную новизну.

Кочевник, который живет в постоянном скольжении по поверхности реальности, для Делёза и Гваттари — главный носитель правильного (нынешнего и будущего) миоощущения. Он — символ неукорененности. Он не созидает и не осваивает окружающий его мир, а лишь его случайно присваивает в своем непрерывном случайном движении.

Это движение кочевников ограничивается только тем, что за некоторым пределом оказывается чужой мир. А как они поступают с чужим миром? Они сметают предел, врываются в чужой мир, покоряют его и присваивают как новые территории своих кочевий.

На этом вопросе Делёз и Гваттари останавливаются особенно подробно, разбирая исторические прецеденты победы кочевых «безгосударственных» орд над оседлыми империями. Альтернативные — и гораздо более основательные — исторические свидетельства о тотальных разгромах (или быстрой ассимиляции) кочевников «оседлыми» — Делёза и Гваттари не интересуют. Они о таковых просто молчат.

То есть Делёз и Гваттари настойчиво творят особый миф. Миф о реальных кочевниках и о том, что, якобы, именно кочевникам-номадам удалось создать такую «машину войны» (эти слова Делёз и Гваттари не случайно вынесли в название главы книги о номадологии),

которая способна не только успешно противостоять «тоталитарному диктату оседлой государственности», но и побеждать в противостоянии с государством, добиваясь полной, настоящей свободы. То есть, свободы кочевать и присваивать.

Государство как предписывающая и повелевающая, навязывающая и наказывающая инстанция, как опорная оседлая устойчивость — для Делёза и Гваттари — главный враг. Это ненавистное государство требует последовательности, укорененности, соблюдения всяческих норм. И ущемляет любые постмодернистские свободы. А потому в центре их концепта стоит метафора номадизма — как «машины войны» с «оседлостью». То есть, с любой укорененностью в бытии. И с любыми ограничениями свободы какими-либо нормами во всех сферах бытия. Долой нормы везде и все — от философии до государства и от культуры до бытового поведения!

Читатель, наверняка укорененный хоть в какой-то (пусть даже и глубоко симулированной и очень дрянной) реальности, на этом месте, возможно, окончательно потеряет терпение.

Читатель ведь знает, что без использования классической «допостмодернистской» логики, с ее выведением сущего из коренной глубинной реальности методом «от причин к следствиям», — невозможны наука и техника, в которые «по уши» погружено почти все современное бытие. Читатель знает, что появление и «гад морских», и человека — невозможно без развертывания (от крохотной клетки до огромного кита, то есть именно от корня к дереву!) того генетического кода, благодаря которому на нашей планете существует жизнь.

Зная все это, читатель возмутится и скажет: «Какая чушь вся эта номадология с ее ризомой! Это просто невозможно!»

Только это и возможно, как единственная норма будущей человеческой свободы, — отвечают Делёз и Гваттари.

А ведь с ними соглашаются не только другие постмодернистские теоретики, но и люди, вполне укорененные в нынешней реальности! Например, бывший советник президента Франции Миттерана и бывший глава Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали. Этот ученый, политик, экономист, автор десятков книг, в 1992 году представил обществу свой труд «Линии горизонта» (заметим, название явно адресует к номадологическим «линиям ускользания»). Где описал в качестве грядущей неизбежности для земного человечества именно постмодернистский кочевнический мир.

Аттали утверждает, что новые (в том числе, информационные) технологии и глобальные рынки меняют мир. Они не только обеспечивают торжество будущего всемирного «торгового строя». Они включают в обыденную человеческую практику такие объекты (Аттали их называет «номадическими»), которые делают какую-либо укорененность человека просто бессмысленной.

Более двадцати лет назад, когда Аттали это писал, в его перечень «номадических объектов» входили карманный плейер, кварцевые часы, видеодиск, персональный компьютер, магнитная кредитная карта, мобильный (переносной) телефон и т. д. Аттали

подчеркивает, что уже только благодаря этим номадическим объектам — человек может оторваться от любых корней и жить, «будучи свободным от диктата пространства».

Далее Аттали предсказывает, что перечень «номадических объектов» будет пополняться предметами медицинской самодиагностики и самолечения, предметами любого самообразования, а затем разнообразными биопротезами и даже средствами направленных генетических коррекций, неограниченно продлевающих жизнь. То есть, постепенно, но неуклонно освобождающих такого человека не только от «диктата пространства», но и от «диктата времени».

В этом типе кочевничества каждый будет носить с собой всю свою идентичность, и окажется связан с особыми сетями — «оазисами для кочевников, легко доступными, однородными и интегрированными». А волшебным ключом для входа в эти оазисы «номадического рая» будет магнитная карточка. Которая «станет подлинным протезом индивидуальности, его полноценным заместителем, неким искусственным органом, являющимся одновременно паспортом, чековой книжкой, телефоном и телеком, а также удостоверением личности».

Затем Аттали разъясняет устройство такого общечеловеческого будущего. В нем, якобы, будут сосуществовать два совсем разных мира.

Будет первый мир кочевников-гедонистов, обладающих магнитной карточкой и другими «номадическими объектами». То есть возможностью скользить по реальности в любом направлении, а также войти в любой островок «номадического рая» и неограниченно пользоваться всеми его благами. «Райские обитатели» этого мира, по определению Аттали, захвачены нарциссизмом и заняты лишь собой, единственными любимыми. И предельно свободны не только от диктата пространства и времени, но и от общества, семьи, власти и т. д.

Однако Аттали прогнозирует, что соседствовать с этим миром-райем для кочевников-гедонистов будет другой мир — мир-ад кочевников-изгоев. Которые бродят вокруг укрепленных «райских обителей» и воюют друг с другом за право получать скучные подачки от «райя», а также за возможность — если повезет — хотя бы краешком приобщиться к райским благам. Их мера свободы — это свобода воевать, умирать или выживать, отвоевав крохи подачек из мира «райской свободы».

А что здесь будет с государством? Государств не будет, отвечает Аттали. Будет глобальный торговый строй во главе с мировым правительством. Он и будет управлять таким разделенным миром. Как управлять — Аттали внятно не разъясняет. Не разъясняет он и то, кто и как будет производить все предсказанные райские и другие блага. Здесь Аттали ограничивается ссылкой на будущие новейшие сверхтехнологии тотальной роботизации производства товаров и услуг, подвластные деньгам всепланетарного торгового строя.

Отмечу, что в этом прогнозе Аттали достаточно причудливым образом соединяет очень разные идеи. Это и идеи номадологии Делёза и Гваттари, и идеи устройства мир-экономик с их противостоянием между центром и периферией (Фернан Бродель и Иммануил Валлерстайн), и идеи ультралиберальной тотальной глобализации в духе Фукуямы, и (что

вряд ли случайно!) идеи «разделенного человечества» во вполне фашистско-гностическом духе.

Конечно, как мы уже убедились, такое смешение противоположностей — «фирменная марка» постмодернизма. И, вроде бы, можно пройти мимо и забыть.

Но пройти мимо нельзя. Ведь то, что заявляют Делёз и Гваттари, и то, что описывает Аттали, — уже назойливо врывается в нашу реальность.

Разве мы не видим все чаще наступление присваивающих «номадических» субукладов на созидающие «оседлые» уклады? Разве мы не знаем, что в постсоветское двадцатилетие это регулярно происходит в прямой форме набегов кочевых банд на заводы и поля не только где-нибудь в Африке (или до недавних пор в Чечне), но и по всей России!

Разве мы не видим, что примерно то же самое происходит в более изощренных формах в сфере глобальной экономики, где набеги «финансовых номадов» делают нищими целые страны? Разве такой набег транснациональных (прежде всего, американских) хедж-фондов не обрушил в 1997–1998 годах полмира в кризис, из которого многие страны (включая Россию) не выбрались до сих пор? Разве не результатом такого же финансового набега стал нынешний глобальный экономический кризис, который уже ограбил население нашей планеты на многие десятки триллионов долларов?

Разве мы не видим, как сфера мировых новостей, публицистики, аналитики и даже как бы научных исследований неуклонно заполняется скольжением по поверхности во вполне «номадологическом» духе? Без попыток обнаружить корни процессов и явлений, добраться до их глубинного смысла, найти крупную и несомненную новизну.

И разве уже не видны контуры разделения и глобального, и российского мира на «два сорта» кочевников?

Разве нет в нашей реальности кочевников-гедонистов, которые своей кредитной карточкой и «айпэдом» подключаются ко всем мыслимым благам в очередном отеле «Хилтон» в Нью-Йорке или Бангкоке, Торонто или Шанхае, Лондоне или Буэнос-Айресе?

Разве не движутся через эту же нашу реальность огромные потоки кочевников-изгоев — беженцев от войн или просто «трудовых мигрантов» — потерявших корни бытия и уже почти не надеющихся их вновь обрести?

И, наконец, разве уже не ясно, к какому именно «сорту» кочевников сдвигают нынешние глобальные и российские тенденции наше народное большинство?

Так что, увы, номадологический концепт Делёза и Гваттари уже вовсю воюет с нами в нашей реальности! Забыть и пройти мимо — нельзя. Нам придется вооружаться пониманием, чтобы с ним воевать. Тем более, потому, что в этом концепте есть и другие, не менее опасные, «военные» аспекты.

О них — поговорим в следующей статье.